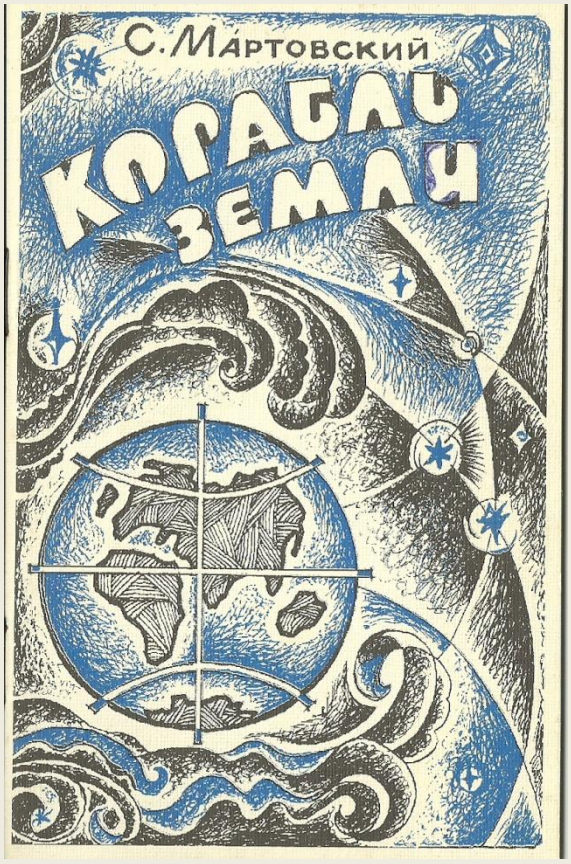
Сергей Тимшин (Мартовский)

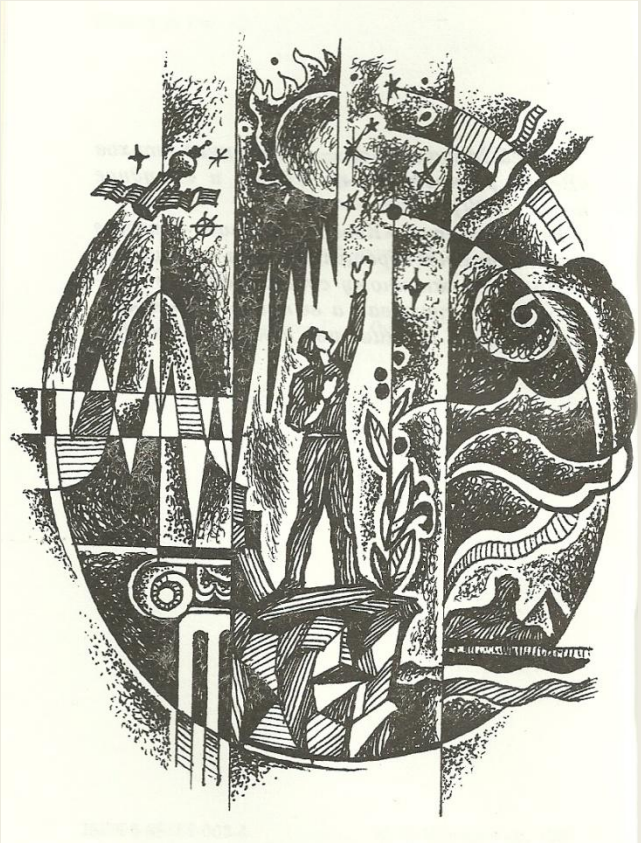
Электронная версия книги 1999 года
(ИПК «Звезда», г. Пермь)
Графика С. А. Орлова

Корабль Земля

Опыт написания **Венка сонетов** с **Послесловием**

Нам Космос – Отец!
Нам Вселенная – Мать!
Но мы - своенравные дети.
И нам – постигать,
постигать,
постигать
Своё назначенье на свете!

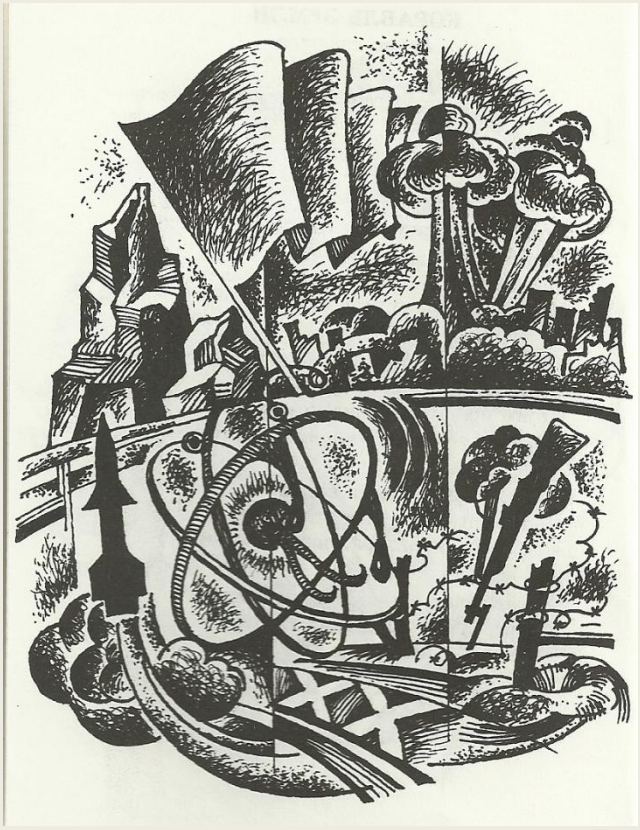

1.
Пришедшим жить на Пик Тысячелетий
Творю Венок сонетною строфой.
Мы - гении, как синтез всех наследий -
Цари цивилизации земной.

И всё ж для Мироздания мы – дети,
Достигшие вершины роковой,
Стоим пред галактическою мглой,
На Разумом отмеченной планете!

О, Пика эпохальные ветра!
Под нами – Человечества Вчера,
Над нами – Завтра в зареве сомнений.

И шаг зовёт, и – пятит пустота…
И нам, отцам грядущих поколений,
Открыта в неизвестность высота.

2.
Открыта в неизвестность высота,
Зовёт простор (для взлёта иль паденья?).
В нас предков прозревает слепота,
Но вспять необратимо восхожденье.

О, генная, о, звёздная мечта!
Скопили яд открытья и свершенья,
И ядерного века прегрешенья –
Не есть ли нам предельная черта?

Мы – время парадоксов и знамений,
Мы – возраст озарений и затмений.
Ах, Вечности немая глубина!

Очистись, мысль, от сора междометий:
Была нам показательно дана
Эпоха войн и атомных трагедий!

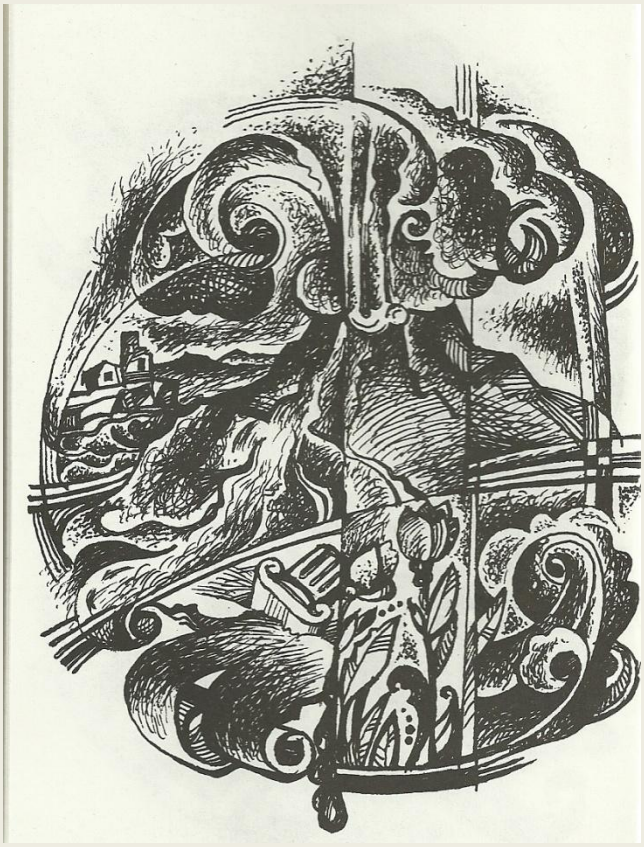

3.
Эпоха войн и атомных трагедий
Над миром потрясённым пронеслась,
Подобная галлеевой комете,
Явив нам – ужасающую власть!

Тем роков Рок историю пометил:
В ней Ленина идея вознеслась,
И Гитлера антихристская страсть
Дала арену дьявольских комедий.

Но чьё же ты, Проклятие Земли?
Какие Бездны смерчи принесли,
Невиданные в Греции и Риме?

Чернобыля засыпаны уста…
Не внять нам, что и гибель Хиросиме
Творилась в нашем веке неспроста!

4.
Творилась в нашем веке неспроста
Стихия планетарных разрушений –
Не вирусом с брюлловского холста,
А бурей внеземных происхождений!

Обугленность тунгусского пласта,
Цунами и синдром землетрясений,
Чахоточность подземных извержений
Коры земной познала береста!

И дикий сок из ран своих сочила -
Смертельный нам! Но жизненная сила
Была в него, как в кровь, заключена.

И снова – провинившиеся дети –
Вникали мы в святые письмена:
Мы – Воля, чья подопытной планете?

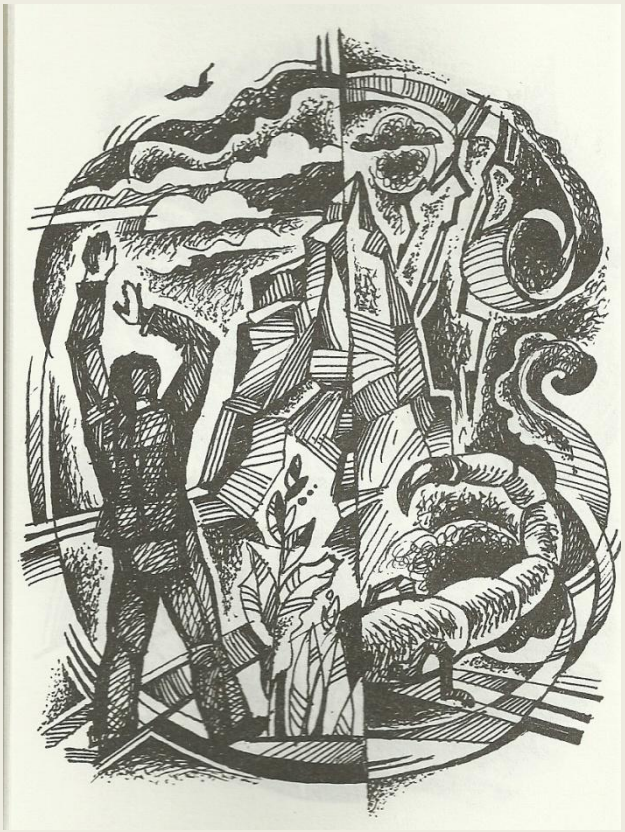

5.
Мы – Воля, чья подопытной планете?
Безмолвствует Вселенной океан...
Стоим мы на краю тысячелетий,
Вдыхая гипнотический туман.

Стоим мы за миллениум в ответе,
Где век наш, что целитель и тиран.
Блажен Талмуд раскрывший иль Коран,
Иль Библию. А - кто не принял Четий?..

Тому дробить единственный вопрос
И воем слать в небесный купорос:
Откуда? Кто? И – Что? И – Как? И – Где мы?

И Дарвин есть святая простота!
И перед необъемлемостью темы
Астрологов назойлива тщета.

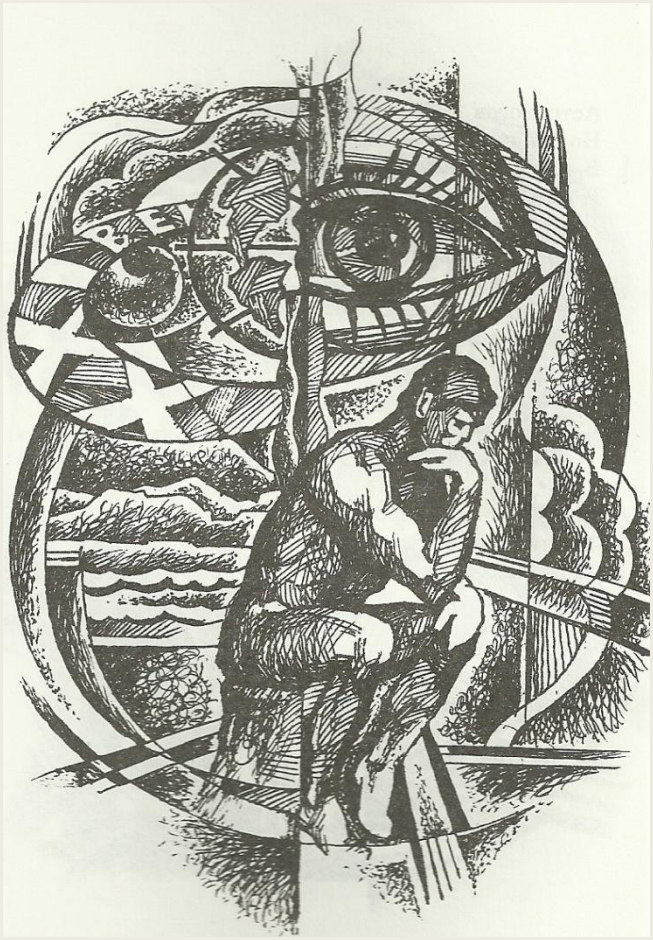

6.
Астрологов назойлива тщета,
Но зов познать – во взлёте, не в паденье!-
В зрачках у нас! Открыта высота
В трёхтысячное летоисчисленье!

И сладостно нам головокруженье,
Нас ясностью чарует чернота,
Нас Пика будоражит острота,
И свищут эпохальные мгновенья!

И мы стоим – могучи и мудры;
Светлы, как взоры Вышние Миры,
Их даль полна значения и смысла -

Зовет в себя, призывна и чиста!
Но чуем вдруг: над спинами нависла
Развилка - скорпионьего ль хвоста?

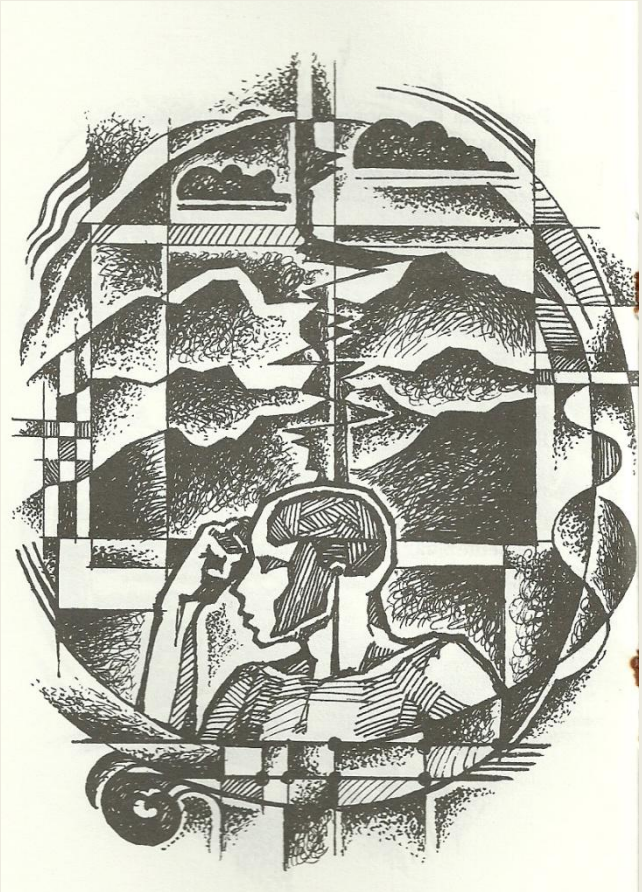

7.
Развилка – скорпионьего ль хвоста
Показывает каплющие жала?..
Ещё тысячелетняя верста
Имеет шанс для славного начала!

Разделом новым с чистого листа
Продолжить ей истории анналы.
Вот только бы опять не задрожала
Над нами зыбь - небесного пласта.

Вот только б осознать предупрежденье,
Нам посланное из долготерпенья
Родительских отчаявшихся недр,

Что, хоть и венценосные, но – дети –
Опасно заигрались мы и Нерв
Трепещет над хребтом тысячелетий!

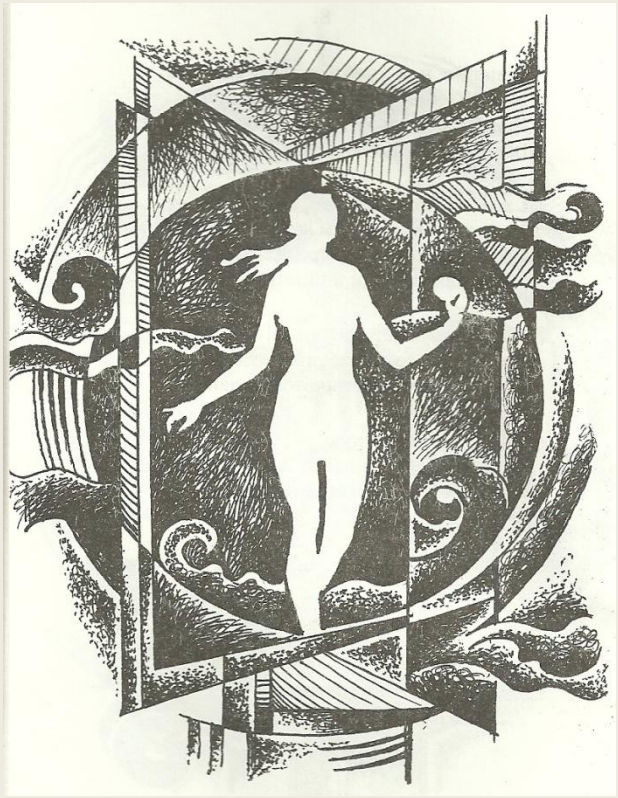

8.
Трепещет над хребтом тысячелетий
Нерв Жизни, беззащитно оголён
Прожорливостью хищников-соцветий
Людских всепоглощающих племён!

И вот мы на вершине, будто в клети,
Повисшей в шахте мыслящих времён,
И опыт нам, увы, определён,
Как… самовырождение планете?

Недетская, жестокая игра!
И позднего прозрения игла
Пронзает мозг, и жалит нас вслепую

В коробку черепную – изнутри!
А сверху бездны давят на больную…
О, мыслей тупиковый лабиринт!

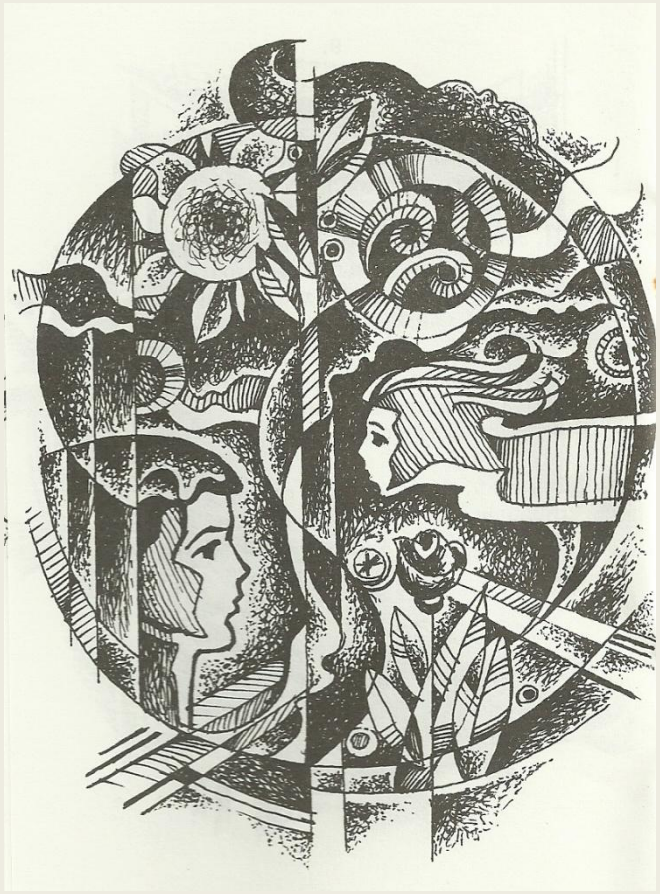

9.
О, мыслей тупиковый лабиринт!
Но в том спасенье – да и не избудет:
Доколе мозг вопросами кипит –
Любые ветры разум не остудят!

И, значит, не подопытны мы, люди!
Планета – не шальной метеорит,
Которым промелькнёт и отгорит,
И след Земли Вселенная забудет.

И сами мы, быть может, для Неё –
Любимейшего чада бытиё,
Взаимно познаваемое чудо.

Так гений Человечества творит
В ошибках постижения, покуда
Вселенной смысл пространствами сокрыт!

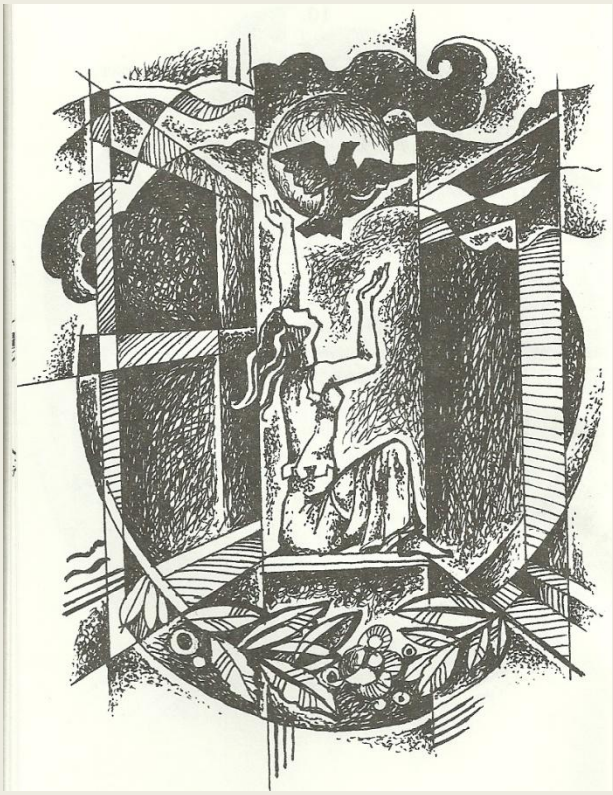

10.
Вселенной смысл пространствами сокрыт.
В материях хаоса Мирозданья
Он звёздною гармонией царит
Нетленной по законам созиданья!

Не таинства Безмолвие хранит,
А вещие свои исповеданья…
Но всех его глубин предначертанья
Достичь нам… никогда не предстоит!

От этого ли сонм противоречий
Терзает мир – пленённый, человечий –
В прозрачной атмосферной скорлупе?

Где вовсе не от солнечного света,
Скопившись, задохнемся мы – в себе!
Сними ж, Венок, безумие поэта!

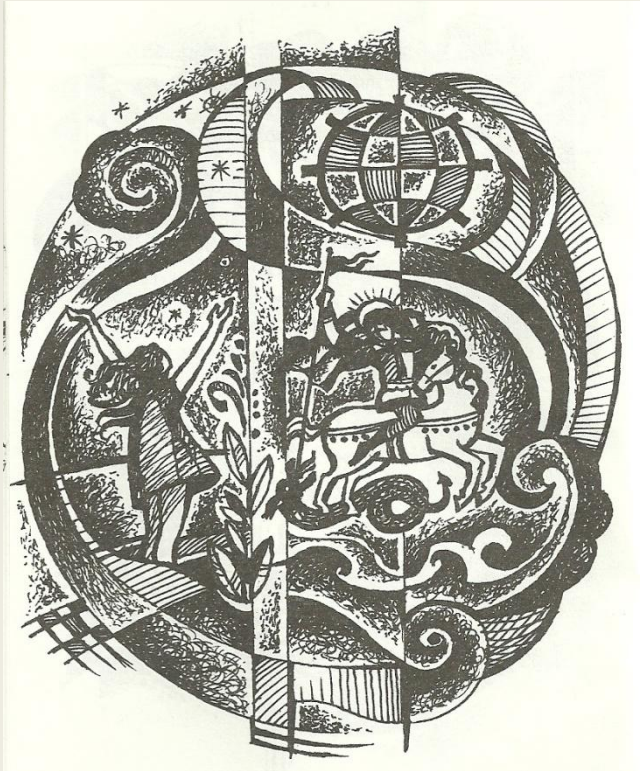

11.
Сними ж, Венок, безумие поэта,
Презренное на взлётных рубежах!
Строка упрямотканого сонета,
Стань сцепкой для стоящих на ветрах!

Да будет здравомыслие воспето,
И цель неугасимая в глазах!
Да будет в материнских небесах
Не дадено затмением ответа!

Взошедшим на крутую высоту,
Да звёздную не выветрить мечту,
Исполненную вечного стремленья!

Познание – могущественный дар.
И значит неспроста от Сотворенья
Корабль Земля для жизни миру дан!

12.
Корабль Земля для жизни миру дан,
И нужно не разбить его – во имя
Придущих пить мерцающий туман
Возвышенными душами своими!

Потомки да не вкусят сока ран!
И сами мы, продолженные ими,
Восстанем – в Нагасаки, в Хиросиме –
Коль снова соберется ураган!

Сегодняшнего Пика поколенье,
Мы – лоцманы! И кораблекрушенье
Допустим ли оплота своего?

Во имя прародителей завета
Мы знаем и полёта торжество!
И Космос полон Разума и Света!

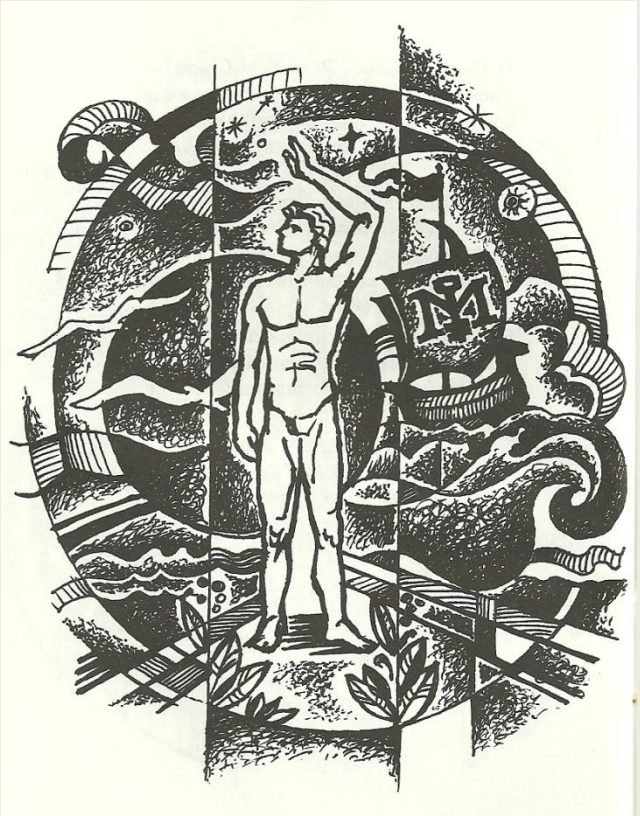

13.
И Космос полон Разума и Света –
Распахнут, вдохновлён и величав!
Земля ему – бесценная планета,
И он Земле – начало из начал!

Не тщетно Мироздания секреты
Безумец Циолковский изучал,
И Фениксом Гагарин увенчал
Тлетворный век великого расцвета.

Но знаний и науки капитал
Являет исцеляющий нектар
Для новых, очищающих соцветий!

Он злу противоядием воздАн,
И кладезь достояний наших светел!
И вечен путь наш в звёздный океан!

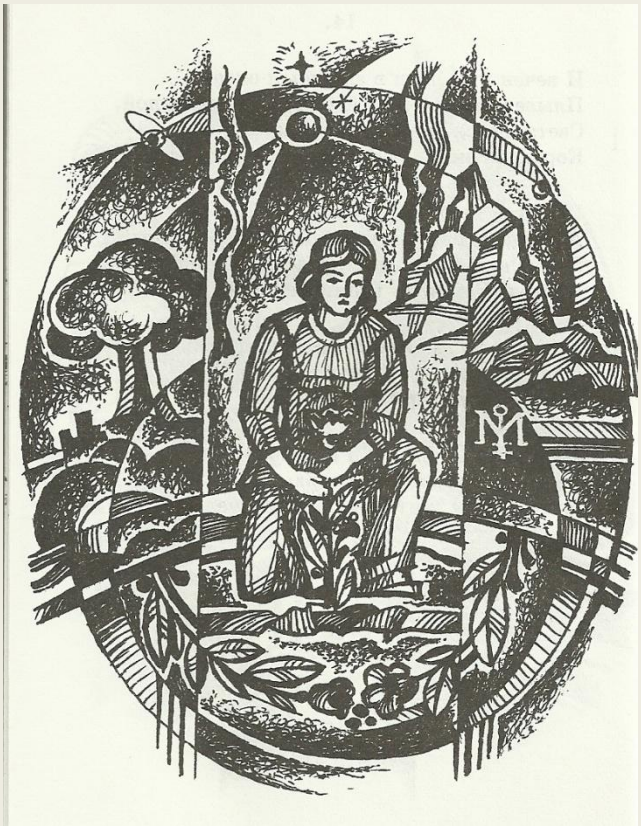

14.
И вечен путь наш в звёздный океан.
Плывёт, плывёт в немеркнущей Вселенной,
Светящимся дыханьем осиян,
Корабль Земля – корабль благословенный!

Пою ему не плачи, не пеан,
А гимн любви – сыновний, вдохновенный.
Я – юнга твой с мечтою дерзновенной,
Корабль Земля – пылинка и титан!

Покаюсь за минутное смятенье:
Кликушеское светопреставленье
Земному не открыть календарю!

Так, веруя в мечту и в добродетель,
Венок сонетов чаяно дарю,
Пришедшим жить на Пик Тысячелетий!

15.
Пришедшим жить на Пик Тысячелетий,
Открыта в неизвестность высота…
Эпоха войн и атомных трагедий
Творилась в нашем веке неспроста.

Мы Воля – чья подопытной планете?
Астрологов назойлива тщета.
Развилка – скорпионьего ль хвоста
Трепещет над хребтом тысячелетий?

О, мыслей тупиковый лабиринт!
Вселенной смысл пространствами сокрыт…
Сними ж, Венок, безумие поэта!

Корабль Земля для жизни миру дан!
И Космос полон разума и света!
И вечен путь наш в звёздный океан!

16 февраля-22 апреля 1999 г.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Начну с того, что сонеты не писал никогда. И вообще, определять по названиям строфы стал лишь после 35-летнего возраста, подходя к изучению теории стихосложения. До этого, говоря словами М. Цветаевой, «писал, как слышал». Но, поднимаясь в среду профессиональных писателей, понимал, что иметь условный поэтический дар для того, чтобы быть признанным ими, - совсем недостаточно. Поэтому пришлось самостоятельно подойти к «усвоению предмета», дабы лишний раз не выглядеть дилетантом в глазах искушенных старших собратьев. Да и невостребованный груз стихов всех лет, как и авторское самолюбие (но не безответственность!), требовали пересматривать свои писания, развивать собственную культуру и помнить о культуре читателя...

Однако, рассматривая стихоформы, сонетом абсолютно не заинтересовался, так же, как и другими «нормативами» стихосложения. Возраст и время призывали думать не об архитектонике, а о художественных ценностях произведений...

И вдруг... Впрочем, не вдруг. А вот как.

Упорное написание сонетов некоторыми литераторами моего круга заставило обратить на сонет вдумчивое моё внимание - сначала слухом, потом зрением. Отметив ошибки у других, для себя в сонете я опять не увидел ничего заманчивого. В юности, например, как только не изощрялся мой максимализм, изобретая более «сложные» (так поначалу казалось мне) конструкции стихотворных сооружений. Но сонет уже «задел» меня. И вот, углубившись в справочники, я узнал, что сонет зародился в XIII веке, что форма его, претерпевая различные изменения, вошла во многие поэтические языки мира, но не утратила своей каноничности и потому стала классической, показав завидное долголетие. Попытался разобраться я и в особенностях русского сонета, первым над которым работал у нас Тредиаковский ещё в 1735 году! В довесок к этому, по-новому увидел, что и великие учителя мои от Пушкина до Есенина и до талантливых наших современников, не гнушались облечь свои чувства и мысли сонетной вязью... И все же сонет не вдохновил. История... Архаизм... Не слагают теперь сонеты. Как не пишут гекзаметром. Не форма, а содержание, художественная яркость, свежесть и краткость необходимы сегодняшней поэзии!..

И вдруг - а теперь уже действительно вдруг - мне снова начитали (навязали!) эти «пресловутые» сонеты, да к тому же целым «венком»! Ну и да ладно бы. Всякий труд, если он во благо, и особенно литераторский труд - благословляю! Но тогда, кроме относительно равномерного журчания переливаемой из сонета в сонет воды, я, признаться, ничего не услышал. А сонетов прозвучало четырнадцать! И заявлено-то было как громко - ВЕНОК сонетов!

С досадой, даже с раздражением, в который раз углубился я в справочную литературу и вот что выудил из «Послесловия» В. Совалина к антологии «Русский сонет», где, кстати, собрано более 700 (!) сонетов русских поэтов от Тредиаковского до Кржижановского:

«К самым сложным организациям стиха относится венок сонетов, состоящий из пятнадцати сонетов, связанных между собой содержанием и расположением строк. Каждый из четырнадцати сонетов (кроме первого) начинается с повторения последней строки предыдущего; заключительный сонет (магистрал) составлен из первых строк четырнадцати предшествующих сонетов...» и т. д.

(«Русский сонет» стр. 493. Издательство «Московский рабочий» 1983 г.)

Из других источников почерпнул я и более обширную информацию о законах сложения венка сонетов, а также о том, что «...из крупных поэтов нашего столетия значителен венок сонетов у И. Бехера («Мертвецам Германии второй мировой войны»), а в советской поэзии венок сонетов представлен В. Брюсовым («Светоч мысли»), И. Сельвинским, В. Солоухиным и др.»

Брюсов и Солоухин забыто стояли на моей книжной полке. Но если сухая справочная «констатация факта» о сложности организации стиха в венке сонетов ничего мне не сказала, то ёмкое, образное и честное признание В. Солоухина о трудной его работе над венком сонетов и о допущенных им в венке ошибках побудило внимательнейшим образом всмотреться в произведения этих мастеров, то есть приоткрыть дверь и заглянуть в их сонетно-веночные конструкторские бюро...

Поразило ли увиденное? Да! Но по-особенному, потому что вместо ущемлённого максимализма (пережиток юности!) возникло нечто ревностно-авантюристическое: а смогу ли я сам сплести-сотворить подобное?!

Дерзка эта мысль для малоизвестного литератора, автора всего одной выпущенной книжечки... Но мысль зудила и не давала покоя. С другой стороны, засоряя слух и зрение повальной вольностью (читай безграмотностью) многих сегодняшних авторов, хотелось протестовать, но для этого нужно было проверить и утвердить себя (если получится!) хотя бы перед предшественниками...

И шаг был сделан...

Не стану говорить о непростом и прерывистом процессе возведения затеянного, о безусловном размере и чередовании рифм и т. д. Это уже мой личный опыт и лаборатория моего венка сонетов с некоторыми секретами в нём (для дотошных и любознательных!). Но, завершив строение, я очень отчетливо понял состояние В. Солоухина, заключившего предисловие к своему «Венку сонетов» так:

« ...Я мечтал написать венок сонетов - и я написал его. Закончив работу, я почувствовал себя как мюнхгаузенский бегун, снявший гири с ног. Лёгкость-то какая! Рифмуй, как хочешь. Строки чередуй, как хочешь. А хочешь - и вовсе не рифмуй и не чередуй!

Но зато вдруг растерянность: не знаешь, куда и зачем бежать. Жди зова»

...Что касается меня, то я не мечтал написать сонетный венок. И времени на ожидание зова у меня нет, поскольку передо мной навалена груда початых и нужных мне очередных литературных дел. Но и душой кривить не буду. Жду я, очень жду, но иного жду отзыва...

И заключительное. Когда ставилась последняя строка-мачта на «Корабле "Земля», в прокуренную, сизую от дыма комнату заглянула ко мне мать. Она никогда не знает и не тревожит мою работу. Так заведено. Но вот что, совершенно необыкновенное для меня, сообщила она:

- А ты знаешь, какой сегодня праздник?
- Знаю, - отмахнулся я, - день рождения Ленина.
- Так, да не так, - парировала она.
- Только что по «Маяку» объявили другой праздник - День Земли!..

Сергей Тимшин
Электронная книга
2014 г.